

Андреев Ф. К. Тело будущее: [Вступительная статья к докладу: «Учение св. Иринея Лионского о воскресении тел», прочитанному в Москве в кружке ищущих христианского просвещения, 10 декабря 1913 г.] // Богословский вестник 1914. Т. 2. № 7/8. С. 453–466 (2-я пагин.).

„ТѢЛО БУДУЩЕЕ“ *).

Есть одна дума въ душѣ человѣческой, которая залегла въ ней глубже всѣхъ другихъ думъ. Это—мысль о смерти.— близкихъ и своей. „Смерть, говоритъ Фюстель-де-Кулянкъ, была первой тайной, представившей предъ человѣкомъ: она поставила его на путь другихъ тайнъ“¹⁾. Но, если по отношенію ко всякой иной тайнѣ допустимъ скептической вопросъ: къ чему тебѣ знать ее? живи, не мудрствуя, и бери отъ жизни что можешь и хочешь взять; то передъ лицомъ этой первой тайны такой совѣтъ неумѣстенъ.— Живи, учитъ философія земного благополучія, но именно этого я и хочу. отвѣчаетъ душа: я хочу жизни, а получаю смерть. Не думай и о томъ, продолжаетъ тотъ же голосъ благоразумія.—хорошо, я не буду думать о своей смерти, но вотъ еще при моей жизни умираетъ близкій мнѣ человѣкъ: его смерть лишаетъ меня лучшей радости жизни, ужели и на ней мнѣ не нужно останавливаться? Да, старайся не думать и объ этомъ,—но для этого душѣ нужно перестать быть тѣмъ, что она есть—душой человѣческой. Это значитъ сказать душѣ: умри, умри прежде смерти тѣла, чтобы дать возможность этому тѣлу жить безмятежной, „естественной“ жизнью, пока и ему не пробьетъ урочный часъ.—Здѣсь безуміе совѣта достигаетъ своего апогея, и душа вырывается изъ когтей этой смерти, второй, а смерть первая и первая тайна снова становится передъ ней неподвижнымъ призракомъ. Вырваться изъ этого круга невозможно, и человѣкъ давно это понималъ. Какъ же

*) Вступительная глава къ докладу: „Учение св. Иринея Лионскаго о воскресеніи тѣлъ“, читанному въ Москвѣ, въ Кружкѣ ищущихъ христіанскаго просвѣщенія, 10 декабря 1913 года.

1) „Cité antique“, 20-me éd., P. 1903, p. 20.

онъ жилъ всѣ эти долгія тысячелѣтія, чѣмъ жилъ, и что заслоняло отъ него этотъ призракъ, мѣшавшій ему жить?

Существуетъ чудный разсказъ у многихъ дикихъ племенъ Африки и острововъ Великаго Океана.— Мѣсяць посылаетъ къ человѣку гонца (по однимъ версіямъ — зайца, по другимъ—хамелеона) и велитъ ему сказать человѣку: какъ я (мѣсяць) умираю и вновь возрождаюсь, такъ и ты (человѣкъ) умрешь и снова родишься. Но эта вѣсть не дошла до мѣста назначенія—хамелеонъ ползъ слишкомъ медленно, а заяцъ искажилъ ее, передавъ: какъ умираетъ мѣсяць, такъ умретъ и человѣкъ и больше уже не воскреснетъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ мѣсяць, пославшій первое радостное извѣстіе, не захотѣлъ уже больше подтвердить его. Такъ человѣкъ и остался съ дурнымъ извѣстіемъ въ рукахъ и со смутной надеждой въ сердцѣ на новое, лучшее посольство²⁾.

Кажется трудно въ образной формѣ передать лучше тѣ чувства, какими жила и въ массѣ живетъ еще и нынѣ чело-вѣческая душа. Смерть и рожденіе проходятъ передъ ней какъ звенья безконечной цѣпи; „ты вернулся“, говорятъ дикари Юрубы при видѣ сына, родившагося по смерти отца, но мысль рано подсказываетъ, что этотъ потомокъ—не воскресшій родитель, а другая, самостоятельная, личность, претендующая на личное же безсмертіе.—Безсмертіе рода, какъ ни высоко стоитъ оно въ культовомъ отношеніи, все же не способно утолить жажду безсмертія индивидуальнаго, не приноситъ вѣсти о томъ что не умретъ *человѣкъ*. Одинъ лишь мѣсяць сполна владѣетъ этой тайной личнаго безсмертія. Его пепельная душа не долго паритъ безъ своего свѣтовиднаго тѣла,—проходитъ немного времени и онъ снова облекается въ него, вновь и вновь воскресаетъ для жизни, воскресаетъ не въ сынѣ, не въ потомкѣ, а въ собственной обновленной плоти.—Вотъ—вѣсть о личномъ воскресеніи, непрерывно струящаяся съ небесной высоты, но по лицу земли она ползетъ холоднымъ, обманчивымъ сіяніемъ, точно лѣнливый хамелеонъ, на земныхъ предметахъ она играетъ невѣрными бѣглыми зайчиками, и не жизнь, а смерть глядитъ ото всюду впадинами черныхъ, глубокихъ тѣней.—Посланцы дурно передали завѣтъ мѣсяца.

²⁾ Ср. Шантеп-де-ля-Соссей. „Исторія религій“. М. 1899. т. I. стр. 22.

Но напрасно они со всѣхъ сторонъ кричатъ человѣку: ты умрешь.—взоромъ полнымъ надежды смотритъ онъ прямо въ лицо пославшему, ловить лучи его прежде, чѣмъ они разбились о землю, и чуетъ, что они несутъ ему иную вѣсть. она не доходитъ до его сердца въ ясномъ видѣ, она заглушена враждебнымъ шумомъ, раздающимся вокругъ, но онъ знаетъ, что если этотъ шумъ смолкнетъ, голосъ истины скажетъ ему правду, онъ знаетъ даже, что скажетъ ему этотъ голосъ.

„Всѣ покидающіе этотъ міръ, говорится въ Каушитакибрамана-упанишадъ, имѣютъ свое мѣстопробываніе на лунѣ, которая въ первую (свѣтлую) половину мѣсяца постоянно увеличивается отъ ихъ жизненнаго дыханія; во вторую же (темную) половину мѣсяца она подготавливаетъ ихъ къ возрожденію. Луна есть дверь, ведущая въ небесныя обиталища: кто ей отвѣчаетъ, того она пропускаетъ“³⁾... Но не всѣхъ, какъ мы слышали, достигаетъ этотъ вопросъ, многіе тщетно стучатся въ эту дверь, многіе не знаютъ что отвѣчать...

Можно лишь вѣрить, надѣяться и ждать, и поистинѣ много и крѣпко вѣрилъ этотъ обманутый человѣкъ.

Смерть, между тѣмъ, явно торжествовала: проходили вѣка и тысячелѣтія, люди рождались и умирали, но каждая новая могила не только не вливала въ душу новыя капли отчаянія, грозившія переполнить мѣру ея терпѣнія и вѣры. напротивъ, чѣмъ дальше тѣмъ всѣ пышнѣе справлялись погребальныя обряды, тѣмъ больше заботъ прилагалось къ тому, чтобы обезпечить тѣлу загробный покой. Тризны смѣнялись тризнами, дни поминовенія включались въ годовой кругъ праздниковъ, ширились и украшались гробницы, искусство сохраняло для потомства черты дорогихъ покойниковъ; уже въ самомъ концѣ древняго періода и въ самыхъ скептически настроенныхъ шумныхъ центрахъ просвѣщенія возникли знаменитыя „collegia funeratica“, товарищества гробокопателей, обезпечивавшія достойное погребеніе всѣмъ, даже самымъ бѣднымъ. Даже когда люди гибли массами, какъ на примѣръ на войнѣ, и тогда было святотатствомъ оставить тѣла непогребенными, и мы помнимъ исторію съ побѣдителями при Аргенузскихъ островахъ, которыхъ соотечественники едва не

³⁾ Шантепп-де-ля-Соссей. Ib., т. II, стр. 56.

казнили за то, что тѣ въ пылу битвы оставили въ морѣ тѣла павшихъ братьевъ. Земное благосостояніе, обезпеченное побѣдой, было оставшимся роднымъ менѣе необходимо, чѣмъ загробный покой мертвыхъ, неразлучный съ покоемъ ихъ тѣлъ.—Эти тѣла тлѣли и распадались въ прахъ еще на глазахъ живыхъ,—люди пошли на помощь смерти и тлѣнію, они стали сжигать тѣла или давали ихъ на съѣденіе птицамъ, но пепель и кости, собранныя въ урны, хранились такъ же заботливо, какъ и набальзамированныя трупы.—Если тѣло пропало на чужбинѣ, и его невозможно было достать,—родные на родной сторонѣ хоронили призракъ, ставили гробницы безъ праха и знали, что и это доставляло почившему вѣчный покой.—Нужна была вѣчная память,—она обезпечивала реальность за гробомъ, но для этого нужна была хотя бы крупинка осязаемаго, хотя бы одно имя, написанное или благоговѣйно передаваемое изъ рода въ родъ. Это было сѣмя, изъ котораго выростала вся посмертная жизнь души: эта крупинка праха облекала плотью эту душу. Но какъ же тонка должна была быть эта плоть! Въ самомъ дѣлѣ, душа по смерти и была только тѣнью, и лишь пища приносимая на могилу, на время оживляла и оплотняла ее. Одисей въ преисподней нашелъ душу матери, но блѣдная тѣнь сидитъ нѣмая и въ забытіи. Голосъ прорицателя учить Одисея, какъ пробудить ее:

„Легкое средство на это въ немногихъ словахъ я открою: Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой приблизиться къ крови Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить; но безмолвно Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови не пустишь... Къ крови приблизилась мать, напилася и сына узнала“. 4)

Мистеріи впервые и надолго оживили эту тѣнь. Весеннее солнце влило въ нихъ ту жизнь, которой они тщетно просили у мѣсяца. Ночныя тѣни прятались передъ лицомъ дневного свѣта, но солнце отыскало ихъ и въ глубинѣ ихъ могилъ. Мѣсяць былъ молчаливымъ свидѣтелемъ безмертвiя личнаго, но онъ шепталъ эту тайну въ ночи, когда природа спала и была сама какъ мертвая, — солнце ничего не знало о воскресеніи *человѣка*, но его лучами природа жила, какъ цѣлое, и на весенній пиръ этой жизни сходились все,

4) Од. II, 146—149. 153.

жаждавшіе новыхъ подтвержденій *безсмертія* жизни. Мистеріи погружали человѣка въ самыя стремнины жизненныхъ токовъ, давали вкусить отъ самыхъ глубокихъ корней жизни, и тотъ, кто разъ сходилъ въ эти нѣдра, уже не могъ страшиться смерти. Посвященный приобщался отъ жизни, опытно переживалъ безсмертіе: блаженство отъ сознанія несокрушимой силы жизни слѣдовало за этимъ приобщеніемъ, а смерть отбѣгала блѣднымъ призракомъ, пряталась въ желтыхъ листьяхъ осени и снѣгѣ короткой южной зимы, чтобы съ новой весной вновь погибнуть отъ лучей новаго солнца. И вся эта борьба и побѣда шла въ землѣ и изъ земли, тамъ же, гдѣ лежали и кости милыхъ сердцу. Посвященному въ мистеріи не грозила участь обратиться въ безкровную сонную тѣнь: онъ уносилъ съ собой въ могилу такую полноту личной жизни, которой могло хватить на вѣчность, или, лучше, онъ и подъ землей находилъ не болотистый Стиксъ; а тѣ же полноводные токи жизни, какіе неслись и по землѣ. Царство смерти являлось ему царствомъ вѣчнаго возрожденія, онъ жилъ въ сосѣдствѣ мертвыхъ сѣмянъ, пускавшихъ ростки жизни.

Кажется, теперь человѣкъ имѣлъ все, что ему было нужно, его безкровная тѣнь получила за гробомъ и кровь и жизнь: сама жизнь становилась безсмертной. Однако этотъ праздникъ жизни былъ омраченъ самою жизнью.

Смерти не было: жизнь за гробомъ была простымъ продолженіемъ здѣшней и почти равной ей по интенсивности. Но что такое была эта здѣшняя жизнь?—Вѣдь и старецъ, достигшій преклонныхъ лѣтъ, тоже жилъ, жилъ и больной, со дня на день ожидающій смерти, и голодный, и слабый младенецъ—все жили на землѣ своею жизнью, но какъ отлична была эта жизнь отъ той, которой полно здоровое сильное тѣло въ пору его расцвѣта! И если та жизнь есть лишь продолженіе этой, то какая въ томъ радость для слабыхъ, больныхъ и старыхъ?—Мы не знаемъ какъ отвѣчали на это мистеріи, но намъ извѣстно, что сказала на это сама жизнь. Душа, учила она, не есть что-то абсолютно независимое отъ тѣла, это не идея, не тѣнь, это какъ бы паръ отъ самой жизни, и чѣмъ горячѣе, чѣмъ стремительнѣе эта жизнь, тѣмъ сильнѣе сгущается и этотъ паръ; здоровый духъ живетъ въ здоровомъ тѣлѣ, и потому все теплохладное, без-

сильное не имѣть души, достойной безсмертія.—Такъ говорила жизнь и люди стали искать тѣла, достойныя жизни. Мы знаемъ жестокіе обычаи дикихъ племенъ умерщвлять стариковъ, прежде окончательнаго одряхлѣнія, чтобы они могли мужественно выдержать загробную борьбу съ духами зла. Древніе насельники Лація, предки римлянъ, убивали въ тѣхъ же цѣляхъ отцовъ, достигшихъ шестидесяти лѣтъ. Но еще ужаснѣе для нашего сознанія былъ тотъ отборъ, который совершался при началѣ жизни. Оставляя дикіе народы съ ихъ дикостью, и страшныя „апотеты“,—пропасть близъ Тайгета, куда бросали слабыхъ дѣтей спартанцы, послѣ испытанія виномъ,—⁵⁾обратимся къ эллинамъ и римлянамъ въ пору наивысшаго расцвѣта ихъ культурной жизни. Вотъ проектъ Сократа и Платона, какъ онъ выраженъ въ ихъ идеальномъ „государствѣ“. „Дѣтей слабыхъ и всѣхъ родившихся съ тѣлесными недостатками надо скрывать въ темномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ, гдѣ бы для нихъ не было никакой пищи“. Если люди хотятъ имѣть „избранное стадо“, нужно оставлять въ живыхъ только первенцевъ, если они достойны, и на нихъ сосредоточивать всѣ заботы воспитанія. Людямъ низшихъ сословій быть можетъ лучше было бы вовсе запретить вступать въ бракъ ⁶⁾. Съ Сократомъ и Платономъ вполне согласенъ Аристотель: законъ, говоритъ онъ, долженъ опредѣлить, какія дѣти должны быть уничтожены и какія должны быть кормлены ⁷⁾.—Но нигдѣ этотъ отборъ не вылился въ такія чудовищныя формы какъ въ Римѣ. „Мы убиваемъ бѣшеныхъ собакъ, быковъ, если они злы и опасны, пишетъ гуманнѣйшій Сенека, рѣжемъ больныя стада, чтобы они не заразили другихъ животныхъ... убиваемъ нашихъ дѣтей, если они слабы“ ⁸⁾. Этотъ отборъ въ Римѣ былъ возведенъ въ ритуаль. Новорожденнаго ребенка клали передъ отцомъ, если послѣдній хотѣлъ, чтобы тотъ жилъ, онъ поднималъ его, поручая богинѣ Левана („*Quae levat infantes de terra* — которая

⁵⁾ Ср. Плутархъ. Ликургъ. 16. Русск. перев. В. Алексѣева („Дешевая библиотека“ № 159, т. I, вып. 2-й, стр. 144).

⁶⁾ „Политика“, кн. V, 460С., 461С. Перев. Каршова, т. 3, стр. 255, 267 и прим. 2-е.

⁷⁾ „Политика“, кн. VII, 14, 10. Перев. С. Жебелева, М. 1911, стр. 346.

⁸⁾ Ср. Глубоковскій. „Благовѣстіе ап. Павла“, т. II, стр. 775, 1023 и прим. 316.

поднимаетъ дѣтей отъ земли“, поясняетъ бл. Августинъ), и лишь послѣ того новорожденный причислялся къ членамъ семьи. Но Левана не всегда удостоивалась такого дара. Небольшое озеро въ населенномъ кварталѣ Рима—„Velabrum“— всегда было переполнено трупами младенцевъ, которыхъ отецъ не призналъ или не захотѣлъ признать годными для жизни. Этотъ обычай, освященный закономъ, существовалъ до 5-го вѣка нашей эры⁹⁾...

Мѣсяцъ шепнулъ человѣку о реальности безсмертія, солнце научило его безсмертію реальнаго,—этимъ реальнымъ была жизнь въ ея весенней силѣ,—человѣкъ запасся этой жизнью и сталъ безсмертенъ.

Но мысль шла дальше, она хотѣла точно знать, гдѣ лежала граница, между тѣмъ, что сгорало въ пламени костра или негнѣвало подъ землей и тѣмъ, что оставалось жить вѣчно. Вѣдь эта жизнь была не той стихійной силой, о которой учить витализмъ: это была личная жизнь, одушевляющая индивидуальное тѣло, такой оставалась она и по смерти. Но чѣмъ же обусловлена индивидуальность этой жизни? Первые стихи первой пѣсни Гомера кратко и какъ бы вскользь отвѣчаютъ на этотъ вопросъ.

„Гнѣвъ, богиня, воспой Ахилеса, Пелеева сына,
Грозный, который Ахейнамъ тысячи бѣдствій содѣлалъ:
Многія души могучія славныхъ героевъ низринулъ
Въ мрачный Аидъ, *самизъ же ихъ* предалъ въ корысть плото-
тояднымъ

Птицамъ окрестнымъ и псамъ“.

Что говорить здѣсь Гомеръ?—онъ говоритъ, что души сами по себѣ вовсе не имѣютъ ничего личнаго, это дѣйствительно только тѣни,—*самость*, личность принадлежитъ тѣламъ, плотнѣ. тому что остается на землѣ „въ корысть плотояднымъ птицамъ окрестнымъ и псамъ“. Но еще много должно было пройти времени, прежде чѣмъ человѣкъ могъ ясно осознать эту тайну лица и тѣла. Мы не будемъ слѣдить за тѣми отвѣтами, какія давала на этотъ вопросъ философская мысль: эти философскія рѣшенія были, какъ это обычно и нынѣ, слишкомъ далеки отъ запросовъ жизни. Философъ рѣдко прислуши-

⁹⁾ См. Загурскій. „Ученіе объ отцовской власти“. Зап. Имп. Харьк. Ун.—та. 1882 г., т. 3, стр. 24, 29 и 36.

вался къ тому, *какъ* задавался вопросъ: — нотки скорбныхъ или радостныхъ предчувствій, вздохъ мольбы или увѣренность въ близости рѣшенія, скрытая тоска по одному опредѣленному рѣшенію,—вся эта, порой едва уловимая, музыка вопроса рѣдко достигала слуха философа: онъ бралъ отъ проблемъ, выносимыхъ жизнью, одно лишь ихъ идейное логическое ядро, поэтому обычно такъ сухи и жестки были его приговоры. Но мы говоримъ о религіозныхъ исканіяхъ, больше о волненіяхъ чувства, чѣмъ о запросахъ ума, поэтому будемъ искать въ поставленной темѣ не тѣло, а душу ея.

Мистеріи разогнали могильная тѣни, загробный міръ наполнили теперь избранная, сильная жизнью души; но вѣдъ и сила, и жизнь, и красота, и все, чѣмъ были богаты эти души, все это были вмѣстѣ съ тѣмъ качества, атрибуты ихъ тѣль. Какъ могли они сохраниться у душъ, лишенныхъ тѣла, какъ представить жизнь въ ея расцвѣтѣ и силѣ, если нѣтъ того, въ чемъ она единственно можетъ выявиться,—цвѣтущаго и сильнаго тѣла? Души, правда, имѣли тонкій эфирный покровъ, но сила ищетъ мышцъ, а не тонкихъ оболочекъ, жизнь кипитъ въ крови, а не въ легкомъ эфирѣ, красота нужна матерія, покоренная формѣ, а не одна лишь колеблющаяся очертанія. Философія долго размышляла надъ трудной проблемой, но душа, задавая себѣ такой вопросъ, уже знала, въ чью пользу будетъ рѣшенъ споръ. Жизнь хотѣла, должна была побѣдить, и душа стала медленно одѣваться тѣломъ,—кровью, мышцами, красотой... Сперва такихъ душъ было мало; это были души героевъ и раньше всѣхъ, конечно; Ахилеса. Мы помнимъ, какъ его тѣнь тосковала по жизни и желала быть лучше поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ Аидѣ ¹⁹⁾. Но, такъ—у старика Гомера, во времена позднѣйшія она уже не груститъ. Она получила и всю интенсивность прежней жизни и все прежнее тѣло и живетъ въ полномъ блаженствѣ на „бѣломъ островѣ“. Вслѣдъ за нимъ удостоились такой же чести и еще нѣсколько народныхъ любимцевъ... Но и на этомъ мысль еще не могла успокоиться: безсмертія искали не одни герои, всѣ души хотѣли жизни, но не у всѣхъ тѣла были достойны того. Большинство владѣло лишь отчасти тѣми высокими качествами, полнота ко-

¹⁹⁾ Од. II. 488—491.

торыхъ у Ахилеса какъ бы совпадала съ самой субстанціей тѣла. Вѣдь изъ этихъ несовершенствъ слагалась индивидуальность тѣлъ и жизней, эту индивидуальность душа должна была сохранить и въ загробномъ мірѣ. — Съ другой стороны эти высокія качества тѣлъ не нуждались въ безсмертіи самаго тѣла. Не жила ли красота жизнью безсмертія въ холодномъ мраморѣ статуй, въ пышныхъ храмахъ, гдѣ людскія поколѣнія смѣняясь возносили ей жертвы и хвалы. — Мужество было ближе къ жизни и тѣлу, но и оно не умирало въ наслѣдіи своихъ дѣлъ, въ благодарной памяти потомства, поэтому и его „бѣлый островъ“, съ его тѣлеснымъ безсмертіемъ, лежалъ гдѣ-то въ свѣтлой дали, въ сосѣдствѣ страны грѣзъ. — Красота и мужество еще не обезпечивали душѣ полноты загробнаго существованія, душа все еще томилась по жизни, реальности, личности. Какое же изъ качествъ могло сохранить за душой и конкретность и личность? Философы нашли его—это была мудрость, но она не всегда сохраняла жизнь за отдѣльной душой. Ее еще удержалъ Сократъ, но у Аристотеля она уже утонула, растворилась въ лучинахъ міротворческаго разума. Правда, послѣ, у неоплатониковъ, она вновь получила „печать“ индивидуальности, но человѣку мало той жизни, которая скрывалась за этой „печатью“. То была жизнь чистаго, безплотнаго созерцанія, но люди любили другую жизнь. Созерцаніе, какъ и красота, была удѣломъ избранниковъ, а рѣчь шла о всякой душѣ. Философія отвѣчала на голый вопросъ, но музыку этихъ исканій слышала другая, болѣе чуткій слухъ.

Изъ страны пирамидъ и Феникса, изъ глубины „царственныхъ могилъ“ Египта раздался голосъ, обѣщавшій открыть эту тайну личнаго безсмертія, рассказать о полнотѣ загробной жизни. — Мы имѣемъ въ виду то необычайное распространеніе египетскихъ мистеріальныхъ культовъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ римской имперіи, которое наблюдалось въ послѣдній вѣкъ древняго періода и въ первые два вѣка новаго. Стремленіе быть посвященнымъ въ мистеріи Сераписа, Изиды и Гора охватило тогда миллионы душъ и далеко превзошло по своей интенсивности влеченіе къ прежнимъ мистеріальнымъ культамъ Діониса, Деметры и Аполлона. — Но что влекло эти души къ Египту, чѣмъ отличалось ученіе новыхъ мистерій отъ прежнихъ, учившихъ о безсмертіи

жизни? Въмѣстѣ съ Ляфэемъ мы можемъ отвѣтить: что мѣшаетъ предположить, что и римляне и греки, сжигавшіе своихъ мертвецовъ, могли подобно александрійцамъ принять египетскій культъ сполна, то есть не только съ его идейной стороны, гдѣ была подробно разсказана участь души по смерти, но и съ практической, которая выражалась въ сохраненіи тѣла нетлѣннымъ. Вѣдь находятъ муміи съ изображеніями и разказами изъ греческой міѳологіи, и не о томъ же ли говоритъ надгробная мольба римлянина: „пусть земля меня не поглотитъ и почва да не уничтожитъ мое тѣло“¹¹⁾. Впрочемъ въ этомъ утвержденіи Ляфэ намъ важно не то, въ какой степени было распространено бальзамированіе у посвященныхъ, а то, что одна изъ важнѣйшихъ тайнъ, которую узнавали посвященные, касалась тайны этого тѣла. Пусть даже оно сгорало, исчезало,—Фениксъ свидѣтельствовалъ о возможности его полного воскресенія. Но зачѣмъ же было это полное воскресеніе и это тысячелѣтнее нетлѣніе бреннаго тѣла? Не всѣ разгадали эту тайну, философія чистаго духа воспитала многихъ на презрѣніи къ плоти. Женственный Антиной былъ послѣднимъ любимцемъ древняго міра, но и онъ воскресъ лишь въ мраморѣ своихъ изображеній, и Ниль, дававшій жизнь странѣ безсмертія, не сохранилъ нетлѣннымъ юное тѣло, погибшее въ его волнахъ¹²⁾. Но мы говоримъ теперь не о немъ и не о философахъ, а о тѣхъ, кто подходилъ къ этой плоти съ нетронутой душой, кто самъ тысячелѣтія заботливо хранилъ и питалъ прахъ милыхъ сердцу, кто хотѣлъ видѣть ихъ въ загробномъ мірѣ живыми... Ни красоты, ни мужества, ни мудрости у большинства изъ нихъ не было, но было у нихъ нѣчто, что дѣлало ихъ и родными и милыми—это ихъ человѣческое лицо. Не для того ли такъ растягивалъ человѣкъ погребальные обряды, чтобы имѣть возможность дольше видѣть это лицо, не для того ли онъ спѣшилъ его сжечь, чтобы не представлять его во гробѣ обезображеннымъ тлѣніемъ? Напрасно суровый Ликургъ из-

¹¹⁾ G. Lafaye. „Histoire du culte des divinités d'Alexandrie, Serapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors de l'Égypte depuis les origines jusqu'à la naissance de l'école Neoplatonicienne“. P. 1883. p. 97—99 (надпись изъ собранія Mariette: Feuilles d'Abydos).

¹²⁾ Ср. св. Аванасія Александрійскаго. „Слово на язычниковъ“ 9. Русск. пер. Творенія, ч. 1. стр. 173 (изд. 2-е).

гоняль „суевѣрные“ погребальныя обряды, запретилъ класть въ могилу подарки и даже надписывать надъ нею имена умершихъ, даже и онъ долженъ былъ разрѣшить одиннадцатидневный плачь по нимъ ¹³⁾. Не тоской ли по этому лицу звучала та мелодія, та музыка человѣческихъ исканій, которой не слыхала гордая философія, искусство и лѣтопись героическихъ дѣлъ. Теперь же оно смотрѣло изъ гробницы благоуханнымъ, нетлѣннымъ, но такимъ же, какимъ близкій ему человѣкъ зналъ его при жизни. Правда, въ немъ не сохранился блескъ глазъ, цвѣтъ ланитъ, игра мускуловъ, дыханіе устъ, но все это должно было вернуться: объ этомъ пѣлъ ему Фениксъ, воскресавшій изъ пепла костра. Но, прахъ, плотность, бренье *само тѣло*?—оно благоухало, проникнутое бальзамомъ, но вѣдь само по себѣ, какъ таковое, оно было всетаки и прахомъ и тлѣніемъ? — Человѣкъ скоро понялъ, что и это не такъ.—Дѣло было въ томъ же Египтѣ, въ Александріи, передъ храмомъ Сераписа. Императоръ Веспасіанъ, тогда только что вернувшійся изъ похода, въ упоеніи славы и побѣдъ, шелъ мимо этого храма. Его остановили двое калѣкъ: слѣпой и хромой. „По внушенію бога Сераписа, рассказываетъ Тацитъ, эти погрязшіе въ суевѣріи люди просили у царя одинъ слюны для глазъ, другой праха изъ подъ его ногъ“. Кесарь не долго колебался, и „среди внимательной, тутъ находившейся толпы, исполнилъ то, о чемъ его просили. Тотчасъ калѣка сталъ владѣть рукой, а слѣпому сталъ доступенъ дневной свѣтъ. И то и другое, добавляетъ Тацитъ, подтверждаютъ бывшіе при этомъ и теперь, когда уже нѣтъ выгоды имъ лгать“ ¹⁴⁾. И они не лгали: плоть царя была

¹³⁾ См. прим. 5. Ib. стр. 160.

¹⁴⁾ „Utrumque qui interfuere, nunc quoque memorant, postquam nullum mendacio pretium.“ Hist. lib. IV. cap. 81. Русск. перев. А. Клеванова. „Сочиненія П. Корнелія Тацита“. М. 1870, ч. 1, стр. 207—208. То-же Светоній. Vita Vesp. 7. Ср. мнѣніе о семь скептика Юма: „Однимъ изъ наиболее засвидѣтельствованныхъ чудесъ во всей свѣтской исторіи является чудо, рассказанное Тацитомъ о Веспасіанѣ“... И, послѣ перечисленія неопровержимыхъ доказательствъ: „что можемъ мы выставить въ противовѣсъ такой толпѣ свидѣтелей, кромѣ абсолютной недопустимости тѣхъ чудесныхъ явленій, о которыхъ они рассказываютъ?“ („Исцѣлованіе человѣческаго разумнѣя“. Перев. С. Церетели. СПб. 1902 стр. 139—141, 143). Само собою ясно, что настоящее чудо съ Веспасіаномъ разсматривается здѣсь не въ хронологической, а въ идеологической перспективѣ: семидесятыя годы по Р. X. для Александріи и Рима—періодъ еще дохристіанскій.

царственной плотью, человѣческій прахъ и брение были уже больше не прахомъ и брениемъ, а силой врачующей недуги, драгоценнымъ, благоуханнымъ бальзамомъ...

Тайна неба теперь достигла земли: какъ я (мѣсяць) умираю и вновь возрождаюсь, такъ и ты (человѣкъ) умрешь и вновь возродишься, воскреснешь въ томъ же лицѣ и въ прежней плоти только преображенной, благоуханной, царственной, подобной свѣтовидному тѣлу мѣсяца.—Правда царь Веспасианъ умеръ, и какъ прежде недвижно лежали набальзамированныя тѣла, но имѣющіи уши уже могъ слышать небесную вѣсть. Еще долго, какъ бы въ потьмахъ, бродили люди около этихъ царственныхъ тѣлъ, тоскуя по утраченнымъ дорогимъ чертамъ, недоумѣвая, не вѣря, безглаголиво отворачиваясь отъ плоти, боясь отлить въ слово волнующую думу. За египетскимъ культомъ нетлѣннаго тѣла приближался иранскій Митра съ его воскресеніемъ тѣлъ, но люди все еще ждали новаго „залога отъ небесъ“. Этотъ залогъ былъ данъ тѣмъ, кто ждалъ его безъ предубѣжденій. Когда небо увидѣло, что многія сердца уже готовы принять вѣсть о цѣнности и безсмертіи тѣла, и только гордость передъ этимъ тѣломъ мѣшаетъ принять ее и остальнымъ, оно оставило гордыхъ бродить по распутьямъ и послало новаго вѣрнаго вѣстника къ тѣмъ, кто готовъ былъ благоговѣнно приблизиться къ плоти и праху, съ чистымъ сердцемъ стать на утренней стражѣ ихъ воскресенія... Мѣсяць и солнце приготовили эти сердца къ принятію радостной вѣсти и теперь ихъ поучала маленькая звѣзда.

„Увидѣвъ же звѣзду, они возрадовались радостью весьма великою. И вошедши въ домъ, увидѣли младенца съ Марією Матерью Его и падши поклонились Ему, и открывъ сокровища свои, принесли Ему дары, золото, ладанъ и смирну“. — дары, которыми и при жизни и по смерти украшались, цвѣли и благоухали царственныя тѣла.

Но младенецъ этотъ былъ и великій избранникъ, онъ былъ отобранъ изъ 14-ти тысячъ новорожденныхъ жизней: такого отбора никогда не видало и римское озеро. Египетъ укрывъ его отъ смерти подъ сѣнь своихъ гробницъ и хранилъ его живое юное тѣло такъ же заботливо, какъ и своихъ тысячелѣтнихъ мертвецовъ. Это тѣло было сосудъ благодатныхъ даровъ: оно чудотворило своимъ брениемъ, дыханіемъ оде-

ждами, его голосъ будилъ усопшихъ, отъ него исходилъ ослѣпительный свѣтъ. Его лицо дышало любовью ко всѣмъ скорбящимъ и униженнымъ, но, когда любовь униженныхъ омывала его ноги драгоценнымъ мвромъ, онъ ставилъ эту трату мвра выше другихъ дѣлъ любви. Это было началомъ его погребенія. Но сперва это тѣло еще долго страдало, было изъязвлено, лишено вида и величія. Въ тѣ дни полный, воскресшій мѣсяцъ стоялъ надъ землей, весеннее солнце становилось все ярче, но и оно померкло въ предчувствіи славы грядущаго воскресенія. Смерть его была безславна, но его гробъ былъ съ богатыми,—чистая плащаница и сто литръ смиръны и алая,—это было только предверіемъ его погребенія: по минованіи субботняго покоя новыя благовоенія готовы были излиться на него... Оно могло долго оставаться нетлѣннымъ и благоуханнымъ,—оно стало такимъ *навсегда*. Напрасно въ то памятное утро людская любовь искала его „между мертвыми“, — тамъ оставались лишь пелены и сударь. Само оно стояло предъ учениками живое, какъ прежде, они осязали его кости и плоть, которыхъ „духъ не имѣеть“, вкладывали персты свои въ раны, которыхъ боится гордая языческая красота, оно принимало пиццу, его языкъ училъ тайнамъ Царствія Божія, но все это—и кости и плоть—проходили сквозь запертыя двери, исчезали и вновь появлялись и, наконецъ, поднялись на небо, чтобы тѣмъ же образомъ явиться снова въ концѣ дней... Это было также *новое*, славное тѣло, и свободное надъ пространствомъ и временемъ оно и вознесшись на небо не покидало земли. Земной хлѣбъ и вино—пицца и жизнь человѣческаго тѣла—силою Его побѣднаго Имени, становились истинной плотью и кровью Его и питая тѣла, вѣрившихъ Его воскресенію, дѣлали и ихъ причастными Его вѣчной славы... Это было тѣло Церкви, котораго главой былъ Первенецъ изъ мертвыхъ, а членами—сыны воскресенія.

Кончилась борьба весень и зимъ: вѣчная весна цвѣтеть въ сердцѣ вѣрующихъ въ воскресеніе первое и чающихъ воскресенія грядущаго. Печатью этой вѣры и этой надежды запечатлѣна вся жизнь Церкви за всѣ долгіе вѣка ея земного существованія.

Эта вѣсть о вѣчной веснѣ достигаетъ и до насъ и достигаетъ новымъ, дивнымъ путемъ. Въ Римѣ, въ томъ самомъ Римѣ, гдѣ нѣкогда люди такъ строго отбирали тѣла, достой-

ныя жизни. теперь открываются другія тѣла, избранныя для новой лучшей жизни. Изъ глубины катакомбъ, изъ подземныхъ могилъ, куда много вѣковъ не заглядывалъ человѣческій глазъ, выходитъ на дневной свѣтъ нашихъ будней вѣчно-праздничная Церковь апостольскихъ дней. Изумленно смотритъ на нее протестанство: религія чистаго духа и непосредственнаго богообщенія, считающая себя прямой на слѣдницею апостольскихъ завѣтовъ, она видитъ передъ собою не протестантскій приходъ, объединенный общностью вѣры въ Распятаго и чуждый всякихъ слѣдовъ религіознаго „матеріализма“, — передъ нею Церковь иконъ, мощей, святыхъ, Церковь Божіей Матери Заступницы, какъ называетъ Ее св. Ириной, царственной Оранты катакомбъ, Церковь пресуществленнаго тѣла и крови, — Божественныхъ членовъ („coelestia membra“), Церковь молитвъ за усопшихъ, живая Церковь живыхъ... Но взоромъ дочери смотритъ на нее соборная вселенская Церковь. Вѣдь она — плоть отъ плоти и кость отъ костей этой катакомбной апостольской Церкви, она только приподнялась надъ землею, изъ земли, когда кончились дни гоненій.

Какъ остроконечная травка изъ посѣянныхъ сѣмянъ, пробурившая землю, поднялись ея купола и колокольни, золотистой Божіей пшеницею; теплымъ вѣтромъ, волнующимъ нивы, стелется по ней праздничный благовѣстъ, но корни ея неподвижно крѣпнута въ землѣ...

Ея алтари стоятъ надъ мощами, лики святыхъ глядятъ отовсюду, храмъ полонъ ладана, ликуетъ въ пѣснопѣніяхъ... Водю крещенія омываетъ Церковь своихъ чадъ, мажетъ тѣла ихъ муромъ и елеемъ, благодатнымъ таинствомъ зоветъ ихъ брачный союзъ, подводитъ ихъ къ святой чашѣ, питаетъ истиннымъ тѣломъ и истинною кровью Господа, — продолжаетъ и на землѣ то же дѣланіе, которое нѣкогда совершала въ подземельяхъ, надъ гробами мучениковъ, чему научилась у перваго, благоуханнаго гроба, гдѣ лишь на недолгое время забылся сномъ смерти Начальникъ ея жизни и ея Глава.

Какъ Я умеръ и воскресъ, такъ и ты человѣкъ умрешь и вновь возродишься, — этимъ новымъ завѣтомъ Солнца правды живетъ нынѣ человѣкъ, нѣкогда вѣрившій мѣсяцу.

—
 О. Андреевъ.